

А.В. ПАВЛОВ

Социальная теория: постмодернистский поворот — модернистский разворот

Начиная с середины 1980-х гг. мода на постмодерн вышла за пределы эстетики и теории литературы. Темой активно заинтересовались философы и социологи. Отношениям последних с постмодерном и посвящена данная статья. Автор выделяет четыре позиции социальной теории относительно постмодерна. Во-первых, некоторые социальные теоретики, хотя и учитывали “теорию постмодерна”, в целом не соглашались с тем, что западное общество вступило в эру постсовременности. Во-вторых, другие социальные теоретики приняли идею постмодерна, стараясь ее развивать в разных направлениях. Главным образом, они соглашались с концепцией постсовременности. В-третьих, социальные теоретики рассматривали возможность применения постмодернистских идей к социальной теории, провозглашая себя “постмодернистами”. В-четвертых, некоторые исследователи рассматривали постмодернизм в строго социологическом смысле, то есть изучали, можно сказать, “дискурс постмодерна в социологии”. Однако к 2000 г. сторонники современности, поборники постсовременности и адепты постмодернизма в социальной теории отказались от идеи постсовременности/постмодернизма. Постмодернизм в социальной теории странным образом умер. Это была именно “странная смерть”, потому что, хотя термин все еще используется, он более не занимает того положения в социальной теории, которое имел со второй половины 1980-х до середины 1990-х гг.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, социальная теория, марксизм, социальная философия, современность, постсовременность, социология.

DOI: 10.31857/S086904990000393-4

В одной из своих первых книг, посвященных теме постсовременности, З. Бауман заметил: “Вести нарратив о постсовременности непросто” [Bauman 1992, с. xxiv]. Он использовал слово “to narrate”, подразумевая тем самым, хотя и не провозглашая прямо, что “постсовременность”, а вместе с ней и постмодернизм имеют нарративную природу. Таким образом, Бауман подтвердил, что если мы и вошли или входили в состояние постмодерна, то метанарративы, смерть которых Ж. Лиотар увязал с постмодерном, все еще остаются с нами, а сам постмодернизм и есть такой метанарратив. То, что постмодерн представлялся Бауману именно метанарративом, доказывается пристальным вниманием к этому предмету, о котором социолог написал не одну книгу. Почему же Бауману было сложно говорить о постмодерне? Потому что, как он считал, наводить логический порядок в семантически перегруженном и чрезвычайно запутанном пространстве не всегда уместно. Придавать бóльшую согласованность и последовательность дискурсивному полю постсовременности, чем то было на самом деле, означало сильно рисковать и в результате не прояснить смысл дискуссии, но еще больше запутать читателя, умножив хаос.

П а в л о в Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН. Адреса: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Институт философии РАН. E-mail: apavlov@hse.ru

Сегодня к словам Баумана можно добавить, что вести разговор о постмодерне не только непросто, но фактически невозможно. Во-первых, хаос дискурсивного пространства постмодерна, кажется, достиг критической точки, даже большей, чем в 1992 г., в момент выхода цитированных “Признаков постсовременности” Баумана. С того времени вышла не одна книга, повествующая о состоянии постмодерна. Стоит ли говорить, что каждый автор подразумевает под термином что-то свое, а проблему раскрывает в том ключе, в котором считает нужным. Во-вторых, поэтому, речь в статье пойдет о том, от чего сам Бауман отказался, – о попытке придать упорядоченность терминологической и смысловой запутанности дискурса о постмодерне, но в строго ограниченной области социогуманитарного знания. Было бы наивным полагать, что это можно сделать в рамках одной журнальной публикации в академическом издании, и потому внимание будет сосредоточено лишь на одном сюжете.

Этот текст не случайно начинается с цитаты из книги Баумана. Дело в том, что постмодерн был невероятно популярной темой не только в литературоведении, эстетике и философии, но также и в социальной теории – причем в социальной теории в прямом смысле, то есть в текстах лидирующих социологов, занимающих институциональные позиции в организации социологической области знания. Стоит сразу оговориться, что цель статьи – краткая историография проблемы, а не изложение социальных теорий постмодерна. Впрочем, не столько историография, сколько картографирование постмодернизма в области социальной теории. Исследователи уже предпринимали усилия написать историю идеи постмодерна. Это книги Г. Бертенса “Идея постмодерна. История” [Bertens 1994] и П. Андерсона “Истоки постмодерна” [Андерсон 2011]. Оба этих исследования наилучшим образом помогают понять, что же такое постмодерн, когда он появился, как развивался и чем стал в середине 1990-х гг. Однако Бертенс, обсуждая эстетику и философию, освещает тему “социологии постмодерна” и “постмодернистской социологии” в самом конце книги, то есть уделяет ей не так много внимания. Кроме того, текст Бертенса опубликован в 1995 г., а с тех пор многое изменилось. Андерсон по понятным причинам вообще не обращается к “социологии постмодерна”: его задачей было показать, почему американский философ-марксист Ф. Джеймисон понял и объяснил постмодерн лучше всех. Поэтому я постараюсь, насколько возможно, дорисовать карты истории постмодерна, начатые Андерсоном и Бертенсом.

Забегая вперед, коснусь результатов, к которым в итоге пришел. Так или иначе, все социальные теоретики, которые обращались к теме постмодерна, в конце концов от него отвернулись. О причинах такого поворота трудно судить наверняка, но можно предположить, почему так произошло, и найти аргументы в пользу этого тезиса. Но даже если эти догадки не выглядят убедительными, в любом случае можно подтвердить очевидное: постмодернизм в социальной теории странным образом умер. Это именно “странная смерть” – ведь, хотя термин все еще используют, он более не занимает того положения в социальной теории, которое имел со второй половины 1980-х гг. до середины 1990-х.

Социология о постмодернизме

Вероятно, такой подход к теме с позиции социальной теории может удивить, потому что в отечественном академическом пространстве, как правило, говорят о философском постмодерне (причем связывают это течение мысли главным образом с французским постструктурализмом [История философии 2005; Гобозов 2005; Курицын 2000; Ильин 1996; Ильин 1998]) или о постмодерне как феномене эстетики [Маньковская 2016; Курицын 2000]. Однако мы пошли бы против истины, если бы сказали, что отечественные ученые вообще не рассматривали постмодернизм в рамках социальной теории.

С “постмодернистскими социологическими теориями” мы можем познакомиться, например, в книге Н. Поляковой “XX век в социологических теориях общества”, где постмодернизм рассматривается в “пяти тезисах”. В первом она обсуждает Ж. Лиотара, во втором и третьем – Ж. Бодрийяра, а в четвертом и пятом, наконец, приходит к альтернативам – З. Бауману и Д. Фридману. Но “концепции” последних ею воспроизводятся бук-

важно на основе одной из статей каждого мыслителя, и тем самым данные социологические теории постмодерна приобретают очень усеченный вид. В конечном счете Полякова приходит к неутешительному для социологии постмодерна выводу: «Постмодернистские теории во всех своих вариантах существуют как новый вариант социально-исторической или шире – философской рефлексии современности. Едва ли можно сказать, что они преуспели в социологических описаниях современности и попытках вскрыть “природу постмодерна”: ведь даже в наиболее удачных, ярких, броских постмодернистских вариантах социального теоретизирования или эссеистики вариации на тему алармизма и критики превышают аналитическую составляющую» [Полякова 2004, с. 356].

В то же время Полякова предлагает более подробно ознакомиться с “теориями постмодерна в современной социологии” по книге “Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна”, написанной ею в соавторстве с Ю. Кимелевым. Обратимся к этому источнику. В главе “Постмодернистская социология” авторы рассматривают концепции Лиотара и Бодрийера, а затем обращаются к “теориям” Баумана и Фридмана, основываясь на тех же самых журнальных публикациях. Не удивительно, что в конце концов, выводы авторов относительно социологии постмодерна оказываются все теми же: «Именно анализ массовой культуры в качестве определяющего фактора современности оказывается в центре внимания таких общепризнанных “классиков” постмодернистской социологии, как Ж. Лиотар и Ж. Бодрийер. Однако назвать их концепции социологическими можно только со значительными оговорками». Возможно, дело просто в том, что концепции Лиотара и Бодрийера и не принадлежат к социологическим. Концепции же Баумана и Фридмана оцениваются авторами монографии следующим образом: “Анализ предлагаемых концептуализаций свидетельствует о том, что практически никаких новаций ни в рамках ценностно-нормативной и идеологической подсистем, ни в рамках социального порядка постмодернистскими социологами не выявлено” [Кимелев, Полякова 1996, с. 58, 63]. Хотя Кимелев и Полякова подходят к социологии постмодерна весьма критически, они все же упоминают, что в рамках этой темы есть кто-то еще, кроме французских постструктуралистов. Давайте же посмотрим, как обстояли дела с постмодерном в западной социальной теории.

Если мы согласимся, что мода – это “совокупность привычек, ценностей и вкусов, принятых в определенной среде в определенное время”, то, вне всякого сомнения, постмодерн был очень *модной* темой для социальной теории. Разумеется, разные социальные теоретики по-разному относились к этому явлению. Мы можем выделить четыре позиции в социальной теории относительно постмодерна. Во-первых, некоторые социальные теоретики хотя и учитывали “теорию постмодерна”, в целом не признавали, что на рубеже в 1980–1990-х гг. западное общество вступило в эру постсовременности. Вместо этого они предлагали собственные проекты современности. Во-вторых, другие социальные теоретики приняли идею постмодерна, стараясь ее развивать в разных направлениях. Главным образом, они соглашались с концепцией постсовременности, вытеснившей или все еще вытеснявшей современность. В-третьих, некоторые исследователи рассматривали возможность применения постмодернистских идей к социальной теории, провозглашая себя “постмодернистами”. Некоторые мыслители из второй группы отчасти совпадали с третьей группой, однако это две разные позиции. Надо упомянуть, в-четвертых, еще одну группу социологов – они рассматривали постмодернизм в строго социологическом смысле, то есть не провозглашали себя постмодернистами, но исследовали, можно сказать, “дискурс постмодерна в социологии”. Иными словами, если третьи продвигали постмодернистскую социологию, то четвертые изучали социологию постмодерна. Однако, как будет показано в дальнейшем, к 2000 г. поборники современности, сторонники постсовременности и адепты постмодернизма в социальной теории отказались от идеи постсовременности/постмодернизма.

К первой группе социологов относятся У. Бек, Э. Гидденс и А. Турен. Конечно, я назвал не все имена, но выбрал этих авторов, чтобы рассмотреть общую позицию социальной теории относительно постмодерна. Еще в 1986 г. немецкий социолог Бек описывал грядущее общество, приходящее на смену индустриальному миру, даже не как пост-

индустриальное (он заявил, что мы уже освоили этот термин, а относительно постмодернизма отпустил единственную колкость: с ним “все уже начинает расплываться”), а как *другой* модерн, направляющийся к новой модели *современного* мира [Бек 2000]. Четыре года спустя британский социальный теоретик Гидденс оказался более внимательным к новейшим тенденциям социальной мысли. Во всяком случае, он заявил, что не согласен с тем, что мир вступил в эпоху постсовременности, и предложил взамен концепцию “радикализированной современности”. В целом Гидденса не удовлетворило, что постмодернизм противоречит сам себе. Так, согласно этому социологу, утверждение, что современность вытесняется постсовременностью, означает: история получает некоторую связность и понимание нашего места в ней. В целом же Гидденс повторяет самую распространенную на тот момент точку зрения в отношении социальных трансформаций: современность не исчезает, а начинает понимать сама себя, обретая рефлексивность. И хотя Гидденс допускает, что в будущем мир может вступить в эпоху постсовременности, никто, как он полагает, не может гарантировать, что вторая версия этого проекта не вытеснит первую [Гидденс 2011, с. 164–173, 321].

Социальная теория “постиндустриального общества”, как известно, довольно быстро не столько вышла из моды, сколько утратила эвристический потенциал. Тот же Гидденс в 1990 г. охарактеризовал теорию Д. Белла, активно использовавшего это понятие, как “совершенно нечеткую”. Можно заметить, что темы постиндустриализма и постмодернизма некоторым образом связаны, и не только приставкой “пост”. Именно идея постмодерна вытеснила из социальной теории идею постиндустриального общества (некоторые даже утверждают, что теория Белла по своему духу и смыслу была постмодернистской [Александр 2013, с. 559–561]). И когда концепция постиндустриального общества в виду стремительных социальных, культурных и технических трансформаций оказалась неактуальной, авторам нужно было предлагать новые идеи для понимания социального состояния. Французский социолог Турен даже раньше Белла создал “социальную историю завтрашнего дня”, связанную с “постиндустриальным обществом”, пытаясь описать возникновение нового социального класса и объяснить студенческие радикальные движения [Touraine 1971]. Со временем Турен пересмотрел свои взгляды, но не стал ввязываться в авантюру с постмодерном. В 1984 г. он заявил, что нынешняя социальная формация не постсовременна, идея же постмодерна лишь отражает кризис индустриальной культуры, а потому “постиндустриальная культура является и сверхсовременной, и представляет в то же самое время разрыв с теорией современности, господствовавшей над исторической и социологической мыслью в XIX веке” [Турен 1998, с. 47].

В 2005 г. Турен предложил уже “новую парадигму для объяснения сегодняшнего мира”. На этот раз он обратился к понятию “современности”, чтобы показать ее связь с “концом социального” (по его мнению, нынешний мир характеризуется крайним индивидуализмом со всеми вытекающими отсюда последствиями для общества). Теперь, используя слово “современность”, Турен стал более благосклонен к “постмодерну”, сказав: “Многие аналитики склонны утверждать, что современность лежит в руинах, и анонсировать наше вступление в постмодерн. Говорить так означает, в частности, заявлять об исчезновении какого бы то ни было центрального исторического принципа для определения социального как такового”. Такая интеллектуальная позиция как будто бы доставляет ее сторонникам бесконечные возможности концептуализации, но вместе с тем влечет и серьезные теоретические и практические риски. “Я всегда дистанцировался от этого интеллектуального подхода, сколь бы важным и плодотворным он ни был” [Touraine 2007, p. 71].

В итоге Бек, Гидденс и Турен, сторонившиеся постмодерна, выиграли больше сравнительно с теми, кто обсуждали постсовременность. Оказалось, что выгоднее было не ставить на постмодерн. В пользу этого говорит, например, одна из лекций о социальной теории Х. Йоаса и В. Кнебля. Эти ученые подробно расписывают концепции современности Бека, Гидденса и Баумана, фактически не упоминая социальные теории постсовременности. Впрочем, кратко и в высшей степени неточно рассмотрев некоторые идеи Ба-

Баумана о постмодерне, Йоас и Кнебль даже не скрыли своего пренебрежительного отношения к постмодерну, упомянув его как “так называемый”¹.

К другой группе авторов относится американский социолог Дж. Ритцер. На волне общего увлечения постмодерном он выпустил книгу “Постмодернистская социальная теория” [Ritzer 1996]. Это может удивить и даже шокировать, но в книге с именем Баумана соседствуют имена Гидденса и Бека. Ритцер ожидаемо обращается именно к тем местам в их концепциях, которые касаются рассуждений о современности. Иными словами, под общий бренд “постмодерна” подпали даже авторы, которые либо отрицали, что 1980–1990-е гг. можно описывать как “постсовременность”, либо вообще не использовали этот термин. Точно так же удивительно видеть в книге имена неомарксистов Д. Харви и Джеймисона, которые и впрямь предлагали всесторонний анализ эпохи, в том числе социально-экономический, однако же, надо признать, мыслили не социологически. Но самое большое удивление ожидает читателей, когда они натолкнутся в работе Ритцера на имя Бодрийяра. Взгляды последнего, несомненно, были оригинальными, но ставить его в один ряд с институциональными социологами по меньшей мере спорно, о чем, кстати, говорят Кимелев и Полякова. В то время как Гидденс, Бек и даже Бауман, предлагая собственные концепции, старались соблюдать ключевые академические принципы работы, Бодрийяр с его своеобразным стилем и даже не ценностными, но оценочными суждениями может быть охарактеризован как социальный философ, но вряд ли как социолог.

Однако еще раньше, в 1993 г., Ритцер выпустил свою самую известную книгу, в которой явил себя оригинальным социальным теоретиком, стоящим, впрочем, на плечах гигантов, в данном случае М. Вебера [Ritzer 2011]. Социолог предположил и постарался подробнейшим образом обосновать, что тенденции, характеризующие нынешнее общество, могут быть описаны через концепцию “макдональдизации”. То есть мир, в котором мы живем сегодня, строится по принципу работы сети быстрого питания. Что главное, макдональдизация представляет собой развитие принципов современности, сформулированных еще Вебером, прежде всего таких, как рационализация, но также и инструментализация, коммодификация и эффективность. Тот парадокс, что рационализация макдональдизации может быть иррациональной, Ритцер объяснил через “иррациональность современности”, описанную еще Бауманом в книге, которая в русском переводе вышла под заглавием “Актуальность Холокоста” [Бауман 2010]. Однако эта параллель между макдональдизацией и Холокостом появилась только во втором издании книги в 1996 г., когда Ритцер, видимо, решил усилить связь своей концепции с “современностью” и ее последствиями². Напомню, что первое издание “Постмодернистской социальной теории” вышло в том же 1996 г. Каким же образом идея Ритцера, что мы живем в макдональдизированной современности, уживалась с тем, что автор рассматривал как “постсовременную социальную теорию”, к которой к тому же оказались причастны “противники постсовременности”?

Разумеется, социологу следовало объяснить читателям, почему и откуда возникло подобное несоответствие. Очень важно, что, по всей видимости, Ритцер постарался совместить идею способности модерна и постмодерна к сосуществованию много позже, так как в пятом издании “Макдональдизации общества” он скромно ссылается на свою работу 1997 г. “Постмодернистская социальная теория”. Скорее всего этот параграф был добавлен в последующих изданиях. Несмотря на то, что у Ритцера было время как следует подумать, его объяснение даже *post factum* вряд ли может быть названо не то что исчерпывающим, но хотя бы убедительным. Впрочем, некоторых своих критиков он убедил. В частности, социолог Дж. О’Нил заявил: “Разумеется, Ритцер прав в том, что

¹ Одной строчкой зачеркнув 20 лет дискуссий в социологии о постмодерне, авторы заявили: “При этом Бауману удалось в рамках дебатов о так называемом постмодерне поставить более серьезные этические вопросы, чем те, которые поднимались до него” [Йоас, Кнебль 2013, с. 678].

² О том, почему эта связь не работает, а “МакФашизм” невозможен, см. [Beilharz 1999].

МакДональдс – не постмодернистский развлекательный комплекс, тем более что он успешен как постфордистская организация” [O’Neill 1999, p. 41].

Чтобы разрешить противоречия, Ритцер заявил, что, возможно, модерн и постмодерн – не эпохи, а некоторый набор определенных отношений, в рамках которых постмодерн постоянно атакует модерн. Но это не все. Чтобы данный тезис выглядел более аргументированным, социолог обратился за помощью к марксистским социальным философам. Так, он сослался на некоторых авторов (А. Каллиникоса, например), вообще отрицающих, что живут “в постмодерный век”, а затем “интерпретировал” позицию Харви, у которого якобы “постмодерн не означает разрыва с модерном; оба они отражают одну и ту же глубинную динамику”, и заявил относительно концепции Джеймисона, что “макдональдизация соответствует пять характеристик постмодерного общества, по Джеймисону, но, *возможно* (курсив мой. – А.П.), потому, что он сам видит в постмодерне позднюю стадию модерна” [Ритцер 2011, с. 149, 154]. В мои задачи не входит расшатывать основы социальной теории Ритцера – достаточно указать, что он, во-первых, очень быстро забыл о “социальной теории постмодерна” и, во-вторых, в своих оригинальных построениях обратился к концепции современности, заявив, что постмодерн вчера – это поздняя стадия модерна сегодня.

Постмодернизм в социологии

Возможно, Бауман выступает главным глашатаем и апологетом постмодерна в социологии и социальной теории, а главное – сторонником теории постсовременности (третья позиция социальных теоретиков касательно постмодерна). Дело в том, что постмодерн, по мнению Баумана, позволял социологии освободиться от диктата философии и, более того, сделать философские концепции и методы инструментальной базой социальной теории. Иначе говоря, теперь уже философия становилась буквально служанкой социологии. И хотя в целом позиция и намерения Баумана относительно привнесения в социальную теорию понятия “постмодерн” во всем его многообразии ясны, он, видимо, так и не предложил стройной теории постсовременности и постмодерна как такового. Большинство его книг на эту тему – сборники тематически близких очерков. Разумеется, сразу понятно, о чем идет речь в каждой из его книг, но очень часто Бауман так и не пояснял однозначно, что такое постмодерн, обсуждая соответствующий вопрос в разных аспектах. Грубо говоря, взяв все его “постмодернистские книги”, мы найдем в них несоответствия и, возможно, даже противоречия. Отстраивать “теорию постмодерна” за Баумана пришлось его последователям.

В частности, Д. Смит полагает, что на деле Бауман обсуждает три аспекта постсовременности – перспективу постмодерна, окружающую среду постмодерна и процессы постсовременности, и добавляет: “Эти различия в его работе остаются скрытыми, и потому будет полезно их прояснить” [Smith 1999, p. 153–154]. Мы могли бы насытить куда больше таких “аспектов”, потому что в эссе Баумана, посвященных самым разным вещам, можно извлечь какие угодно смыслы. И потому лучше объяснять “теорию постмодерна” Баумана как постмодернистскую в том смысле, в котором ее понимает С. Сейдман, а именно, как попытку освободиться от наследия “научной социологии” (об этом пойдет речь ниже). Более того, Бауман ожидаемо нашел способ объяснить, почему он рассуждает и пишет в таком стиле. Обращаясь к одной и той же тематике, исследуя ее в многочисленных эссе под разными углами зрения, Бауман создавал “герменевтический круг” постмодернистской социологии [Bauman 1992, p. xxiv], который в конечном счете должен был сделать возможными и понимание, и объяснение постмодерна.

Вместе с тем Бауман оставался более чем последовательным в своем обращении к теме постмодерна, не бросая эту тему на протяжении десятилетия. Во-первых, в 1989 г. он уже осудил современность, указав, что Холокост стал ее логическим следствием, а не отклонением [Бауман 2010]. Из-за неудач эпохи современности постсовременность возникла едва ли не одновременно с ней. Во-вторых, раз современность привела к таким последствиям, нужно было обратиться к тому, что с необходимостью следовало за нею, то

есть к постсовременности. Поначалу для Баумана постмодерн сулил, что будет лучше модерна. Идея постмодерна у Баумана включает постмодернизм и как эпистемологическую категорию, и как эпоху, и как состояние общества, и как стиль мысли. Важно, однако, другое – настроения и оценки Баумана относительно постмодерна имели определенную эволюцию. От очарованности постмодерном он пришел к недовольству им. Этот процесс занял практически десять лет.

В 1987 г. Бауман восхитился “интерпретаторами”, вытеснившими “законодателей” из социальной теории [Bauman 1989]³ (о них речь будет ниже). В книге “Современность и амбивалентность”, вышедшей в 1991 г., Бауман осудил модерн на новых основаниях. Основываясь на критических установках по отношению к модерну М. Хоркхаймера и Т. Адорно, Бауман объявил, что проект современности потерпел крах [Bauman 1993a]. Однако в конце книги Бауман уже приветствовал пришествие новой исторической эпохи, осторожно замечая, что не занимается прогнозированием, но лишь намечает повестку для обсуждения политической и моральной проблематики эры постсовременности. В 1993 г. он приступил к анализу этического измерения постсовременности. Определенно это было тяжело, так как любая этическая программа, не предполагавшая ценностного абсолютизма, мгновенно обвинялась в релятивизме. Однако социолог нашел выход из положения. Он попытался описать “этику постмодерна” через призму философии Э. Левинаса и провозгласил, что “Я” (ego), к которому предъявляются высокие моральные стандарты, должно быть всегда готово взять ответственность за “Другого” (alter). Таким образом, Бауман сделал акцент на небезразличной к другим индивидуальности, что позволяло отринуть возможные претензии на универсальность [Bauman 1993b].

До этого, в 1992 г., Бауман обратился к анализу новой эры как таковой. В книге “Признаки постсовременности” он уверенно утверждал, что по крайней мере западные страны живут в совершенно новую эпоху: “Термин *постсовременность* очень точно указывает на определяющие черты социальных ситуаций, возникших во всех богатых странах Европы и европейского континента в течение XX века, и приобрел свои нынешние очертания во второй половине этого столетия. Термин точен, поскольку указывает на непрерывность и разрыв как на две грани неясной связи между нынешним социальным состоянием и формацией, которая предшествовала ему и сформировала его. Он помогает понять тесную генетическую связь нового, постсовременного, социального состояния с современностью – социальной формацией, возникшей в той же части света в XVII веке” [Bauman 1992, p. 187]. Бауман считал, что ортодоксальная (современная) социальная теория не помогает понять новое состояние. Более того, теория постсовременности не могла быть модифицированной теорией современности, то есть теорией современности с набором отрицательных значений. Он полагал, что адекватная теория постмодерна должна быть построена в когнитивном пространстве с совершенно иным набором теоретических допущений, что ей нужен собственный словарь и что освобождение от концепций и проблем, порожденных дискурсом современности, должно служить мерой адекватности такой теории.

Смит слишком поторопился написать интеллектуальную биографию Баумана, охарактеризовав этого социального теоретика как прошедшего творческий путь от аналитика и критика современности до певца и аналитика постсовременности, даже ее “пророка”. Более того, Х. Йоас и В. Кнебль, описывая социальную теорию Баумана, совершенно не учитывают эволюции взглядов социолога. Поразительно, но они даже не замечают, что рассказы написанных в разные периоды книг Баумана, которые они через запятую предлагают своим читателям, буквально противоречат друг другу [Йоас, Кнебль 2013, с. 683–689]. Книга Смита вышла в 1999 г., но уже в 2000 г. Бауман позабыл о постмодерне и вновь связал свои теоретические поиски с понятием “современности”, на этот раз “текучей”. Таким образом, Бауман перешел на совершенно новые позиции. До того как сформулировать свою идею “текучей современности”, Бауман все же разделался с постмодернизмом. Как

³ См. русский перевод одной из глав: [Bauman 2003].

будто забыв, что пять лет назад он собирался строить новую теорию общества, социолог решил выразить свое недовольство постмодерном. На этот раз он обращался к культуре, искусству, рынку, потреблению и т.д., но выбрал новую теоретическую рамку для эссе в своем сборнике – связь свободы и безопасности. Теперь он осуждал непрочность мира, в котором мы жили, а главное, начал клеймить то, что буквально шесть лет назад превозносил – этику постмодерна. Теперь тон Баумана напоминал риторику моральных консерваторов, переживающих за то, что “сегодняшние ценности завтра гарантированно обесцениваются”, а потому для человека не остается никаких ориентиров. Кроме того, с его точки зрения, в свободных стремлениях к наслаждениям люди перестали уделять внимание личной безопасности. В конце концов, Бауман заявил, что “переоценка всех ценностей – счастливый, волнующий момент, но переоцененные ценности не обязательно должны гарантировать состояние блаженства” [Bauman 1997, p. 4].

Вместо того чтобы увеличить свою свободу, граждане превратились в потребителей рынка. Можно сказать, что Бауман на протяжении десяти лет строил нарратив постмодерна, но итог этой игры с новым понятием оказался плачевным. Социолог разорвал порочный “герменевтический круг”, предложив в 2000 г. совершенно новую концепцию “текущей современности” [Бауман 2008]. В одноименной книге Бауман ни разу не упоминает постмодерн: эвристический потенциал темы себя исчерпал. Современность, даже в своей обновленной версии, оказалась более жизнеспособной, нежели постсовременность. Однако, как мы показали, Бауман оказался автором, который не только принял идею постмодерна, но и собирался перестроить социологию на постмодернистских основаниях.

Одним из главных адептов постмодернизма в социальной теории стал и С. Сейдман. Очень важно, что он продвигал постмодернистский проект в социологии не как автор-одиночка, но пытался заручиться поддержкой любых единомышленников, с которыми ему было по пути, и особенно это касалось феминизма в самых разных его формах. Сейдман и остальные социологи, работавшие в новой парадигме, кажется, не столько хотели быть “постмодернистами”, сколько намеревались произвести революцию в социологии – буквально освободиться от доминирующих тенденций в этой науке. Стремлясь показать, что в социологии возникло новое движение, Сейдман опубликовал несколько томов, общий замысел которых состоял в том, чтобы представить “постмодернизм как социальную теорию”. В одном сборнике, составленном им с Д. Дж. Уогнером, авторы нападали прежде всего на “научную социологию” и “общую теорию” в социологии с самых разных позиций, однако предоставили трибуну и защитникам позитивизма [Postmodernism and Social Theory... 1992, p. 137–220]. В другой антологии Сейдман собрал уже исключительно сторонников постмодерна [The Postmodern Turn... 1994]. В первом разделе ожидаемо были представлены тексты Лиотара и Фуко, но тематически сборник был куда разнообразнее. Дело не в том, что социальной теории были очень нужны эти философы. Скорее, Сейдман действовал в русле стратегии, выбранной Бауманом (сделать ставку на “интерпретаторов”), а следовательно, намерения “постмодернистских социологов” были очень серьезными.

Выше мы упомянули об этом, но теперь можно прояснить эти мотивы. Бауман заявил, ни много ни мало, что давно сложившиеся отношения между философией и (постмодернистской) социологией должны быть пересмотрены, но не потому, что этого кто-то хочет, а в силу обстоятельств, сложившихся в современной философии. На протяжении нескольких столетий философия модерна отработывала “законодательный проект”, в соответствии с которым философия определяла и задавала правила работы самого человеческого разума. Тем самым философы настаивали на всеобщей истинности своих суждений и их объективности. В таком раскладе социологии оставалось либо быть служанкой философии, либо вообще не считаться за науку по причине своей “релятивистской” природы. Но вот Бауман увидел, что после Э. Гуссерля философия стала “интерпретирующей”, отказавшись от универсалистских требований к человеку и обществу. Теперь, “освобожденная от шантажа со стороны законодательного разума, социология” могла заняться тем, чем и должна заниматься в идеале, – комментированием повседневной жизни [Бауман 1993, с. 60].

Сейдман хотел примерно того же. В статье “Конец социологической теории” [Seidman 1994] теоретик констатировал, что социологическая теория, поскольку она уже не работает так, как должна, теперь никому не интересна, кроме самих социологов. Ее замкнутость на самой себе объяснялась кризисом, причиной которого были поиски основ и тотализующая (читай: общая) теория общества. Если же мы взглянем на более ранние попытки социологов рассуждать о постмодерне, то увидим, что некоторые авторы, обращая свой взор на постмодернизм и постсовременность, уже делали примерно то же, что провозглашал Сейдман. Мы также увидим, что многие из этих авторов оставались в плену классической социологической теории, отчаянно пытаясь совместить “модерн” и “постмодерн”, то есть буквально Вебера и Лиотара [Turner 1990].

Таким образом, Сейдман назвал вещи своими именами. Социолог утверждал: «Чтобы вдохнуть жизнь в социологическую теорию, мы должны отказаться от сциентизма, то есть от становящейся все более абсурдной претензии провозглашать истину и быть эпистемологически привилегированным дискурсом. Мы должны прекратить свою погоню за основаниями или поиски одного правильного или обоснованного набора предпосылок, концептуальной стратегии и объяснения. Социологическая теория будет реанимирована в том случае, когда она станет “социальной теорией”. Моя критика социологической теории и защита социальной теории как социального нарратива, имеющего моральные интенции, будет осуществляться с позиции постмодернизма» [Seidman 1994, p. 119]. Иными словами, мы видим, что постмодернизм был всего лишь инструментом для освобождения социальной теории от социологической “научности”. Нетрудно заметить, что в таком свете постмодерн понимался именно в том вульгарном ключе, в котором его понимают большинство нынешних критиков. С той лишь разницей, однако, что этот подход подразумевал исключительно позитивные, а не негативные коннотации.

Нельзя сказать, что вся социальная теория, обращавшаяся к теме постмодерна, отражала установки Сейдмана или Баумана. Были и другие авторы, которые скорее изучали постмодерн, нежели вставали на его позиции (четвертая позиция социологов по отношению к постмодерну). Например, социолог Б. Смарт рассуждал о постмодерне не только как о стиле искусства, художественном направлении или феномене литературы, но и как об эпохе и состоянии западного общества, пытаясь понять причины и следствия колоссальных социальных трансформаций, происходивших на Западе в последней четверти XX в. В отличие от тех, кто принимал идею постсовременности как состояния эпохи, Смарт обращался и к тем неомарксистам, кто рассуждал о постмодернистских основах “позднего капитализма” [Smart 1992, p. 183–221]. И потому еще более важными, чем анализ культуры (как мы видели, это очень распространенная точка зрения в социальной теории), были его проницательные рассуждения о том, что постмодернизм тесно и почти генетически увязан с неомарксизмом. Впрочем, те выводы, которые он делает из данного наблюдения, сегодня не так актуальны (он приходит к необходимости обсуждать новейшее течение левой мысли – постмарксизм), но крайне важно, что эту спайку постмодернизма и неомарксизма следовало объяснить.

Другой автор, работавший в том же ключе, С. Лэш, развивал тему постмодерна на протяжении 1980-х гг. Хотя Лэш рассматривал постмодернизм с точки зрения социальной теории, социологического исследования культуры и социально-стратификационных основ постмодернизма, он, поскольку обратился к теме слишком рано, исследовал дискурсивные практики Фуко, Делеза и т. д., то есть понимал поле слишком узко и несколько некорректно. В 1990 г., выпуская сборник своих статей, социолог с самого начала заявил: “Постмодернизм, очевидно, уже не в моде” [Lash 1990, p. ix].

Вместо заключения

Одним из тех, кто обратился к исследованию самой теории постмодерна в социальной мысли, был Дж. Александер. В 1994 г. в статье «Модерн, анти-, пост- и нео-: Как интеллектуалы объясняют “наше время”» он попытался вычленить саму дискурсивную практику авторов, рассуждавших о постмодерне. Александер не просто провозгласил,

что уход от постмодернизма уже начался, но и в целом вскрыл его культурный смысл. Оговорившись, что постмодернизм можно рассматривать как теории среднего уровня, внесшие вклад в изучение культуры, социолог заявил, что данный феномен необходимо рассматривать и как идеологию, вытеснившую радикальную социальную теорию. С точки зрения Александера, в таком свете “хотя постмодернизм казалось бы имеет дело с настоящим и будущим, его горизонт задается прошлым. По крайней мере, изначально он был идеологией интеллектуального разочарования; интеллектуалы-марксисты и постмарксисты создали постмодернизм в ответ на тот факт, что период героического и коллективного героизма, по-видимому, сходил на нет” [Александр 2013, с. 550]. Не может не броситься в глаза тот факт, что Александр связывает постмодернизм в таком изводе преимущественно с неомарксистами – Джеймисоном, Харви и даже Беллом, чьи разработки относятся к 1980-м гг. (а в случае Белла – к началу 1970-х гг.). В итоге, расправившись с мифом о постмодернизме, Александр вернулся к корням – классической социологии и теме современности.

Всего лишь заглянем в книгу Александера “Темная сторона современности” [Alexander 2013]. Когда социолог – и тем более “культурный социолог”, как позиционирует себя автор – заводит разговор о современности, сложно предположить, что он избежит хотя бы упоминаний пусть даже не столько о постмодернизме, сколько о постсовременности: в конце концов, можно сказать, что ее не было или что “постмодерн мертв”. Вместе с тем в именном и предметном указателе издания отсутствует слово “постмодерн”. Александр ссылается на Вебера, Зиммеля и Парсонса (им посвящены отдельные главы), но теперь даже не упоминает о Джеймисоне или Белле. Разумеется, он цитирует Баумана, но, как и следовало ожидать, книгу “Актуальность Холокоста”. Можно ли придумать более убедительное доказательство того, что постмодерна для социальной теории больше не существует?

В целом, можно ли признать объяснение смерти постмодерна в социальной теории Александера удовлетворительным? С одной стороны – да, но только с учетом сделанных им оговорок, то есть при очень узком понимании постмодернизма. С другой стороны – нет, уже потому, например, что его изящная схема, скольких бы авторов он ни перечислил, исключает теорию Баумана, которую, между прочим, нельзя назвать теорией среднего уровня. Между тем Бауман обратился к постмодерну примерно по тем же причинам, что и неомарксисты, – вследствие крушения идеалов коммунизма. Вот почему интерпретацию Александера следует дополнить, как минимум, уже упомянутой идеей, что социальная теория пыталась освободиться от научности и перейти от “тотализующих теорий” к иным принципам работы. Александр не проговаривает этого и, более того, отмечает, что полемизировал с Сейдманом, когда тот перешел на позиции постмодернизма.

И все же Александр сам был участником этого “движения”, пытаясь продвигать свой проект культурной социологии, освободиться от диктата scientизма. В 2003 г., когда вышла его книга о культурсоциологии (см. [Александр 2013]) и тем самым был провозглашен новый проект внутри социальной теории, Александр отмечал, что в конце 1980-х гг. не мог и в мечтах вообразить, что такое может случиться. Понимаемая как “постмодернистская” в значении Сейдмана, обновленная социальная теория добилась того, чего хотела, и теперь ей можно было не прикрываться этим ярлыком. Как оказалось, ни постсовременность, ни постмодернизм социальной теории больше не нужны, и она развернулась назад – к современности. Но уже потому, что культурная социология смогла завоевать какие-то позиции в академической и интеллектуальной жизни западного мира, постмодернизму в социальной теории следовало появиться. И это немало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. (2013) Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практикс.
Андерсон П. (2011) Истоки постмодерна. М.: Территория будущего.
Бауман З. (2010) Актуальность Холокоста. М.: Европа.

- Бауман З. (2003) Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов // *Неприкосновенный запас*. № 1 (27). С. 5–20.
- Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Бауман З. (1993) *Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии*. № 3. С. 46–61.
- Бек У. (2000) *Общество риска: На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Гидденс Э. (2011) *Последствия современности*. М.: Практис.
- Гобозов И.А. (2005) *Куда катится философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу (философский очерк)*. М.: Издатель Савин С.А.
- Ильин И.П. (1998) *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа*. М.: Интрада.
- Ильин И.П. (1996) *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. М.: Интрада.
- Йоас Х., Кнебель В. (2013) *Социальная теория. 20 вводных лекций*. СПб.: Алетейя.
- История философии (2005)* Васильев В.В., Кротов А.А., Бугай Д.В. (ред.) М.: Академический проект.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. (1996) *Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна*. М.: ИНИОН РАН.
- Курицын В. (2000) *Русский литературный постмодернизм*. М.: ОГИ.
- Маньковская Н.Б. (2016) *Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Полякова Т.Л. (2004) *XX век в социологических теориях общества*. М.: Логос.
- Ритцер Д. (2011) *Макдональдизация общества 5*. М.: Практис.
- Турен А. (1998) *Возвращение человека действующего. Очерки социологии*. М.: Научный мир.
- Alexander J.C. (2013) *The Dark Side of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Bauman Z. (1992) *Intimations of Postmodernity*. London; New York: Routledge.
- Bauman Z. (1989) *Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (1993^a) *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (1993^b) *Postmodern Ethics*. Oxford; Melbourne; Berlin: Wiley-Blackwell.
- Bauman Z. (1997) *Postmodernity and Its Discontents*. Cambridge: Polity Press.
- Beilharz P. (1999) *McFascism? Reading Ritzer, Bauman and the Holocaust // Resisting McDonaldization*. Ed. by B. Smart. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. Pp. 222–233.
- Bertens H. (1994) *The Idea of the Postmodern. A History*. London; New York: Routledge.
- Lash S. (1990) *Sociology of Postmodernism*. London; New York: Routledge.
- O'Neill J. (1999) *Have You Had Your Theory Today? // Resisting McDonaldization*. Ed. by B. Smart. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. P. 41–56.
- The Postmodern Turn. New Perspectives on Social Theory (1994)* Ed. by S. Seidman. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Postmodernism and Social Theory. The Debate over General Theory (1992)* Ed. by S. Seidman, D.G. Wagner. Cambridge; Oxford, MA: Blackwell.
- Ritzer G. (1996) *Postmodern Social Theory*. New York etc.: McGraw-Hill College.
- Seidman S. (1994) *The End of Sociological Theory // The Postmodern Turn. New Perspectives on Social Theory*. Ed. by S. Seidman. Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 119–139.
- Smart B. (1992) *Modern Conditions, Postmodern Controversies*. London; New York: Routledge.
- Smith D. (1999) *Zygmunt Bauman: Prophet of Postmodernity*. Cambridge: Polity Press.
- Touraine A. (2007) *A New Paradigm for Understanding Today's World*. Cambridge: Polity.
- Touraine A. (1971) *The Postindustrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. New York: Random House.
- Turner Ch. (1990) *Lyotard and Weber: Postmodern Rules and Neo-Kantian Values // Theories of Modernity and Postmodernity*. Ed. by B.S. Turner. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. Pp. 108–116.

Social Theory: Postmodern Turn – and Modernist Turn Out

A. PAVLOV*

*Pavlov Aleksandr – PhD (Law), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), leading research fellow, head of the Department of social philosophy, RAS Institute of Philosophy. Addresses: HSE, 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russian Federation; RAS Institute of Philosophy, Bldg. 1 Goncharnaya St. 12, 109240 Moscow, Russian Federation. E-mail: apavlov@hse.ru

Abstract

Since mid-1980-s fashion on postmodern went beyond the boundaries of aesthetics and theory of literature. This topic became interesting for philosophy and sociology. This article is devoted to the relations of these two disciplines to postmodern. The author considers four positions inside social theory concerning postmodern. Firstly, social theorists which take “theory of postmodern” into consideration but in general don’t agree with the idea that Western society entered the situation of postmodernity. Secondly, social theorists who accept the idea of postmodern and try to develop it in different directions. Mostly, these are those who agree with the concept of postmodernity. Thirdly, social theorists who consider the possibility of applying postmodern ideas to social theory, they call themselves “postmodernists”. Fourthly, there are those, who consider postmodernism in a strictly sociological sense, i.e. they do research of what could be called “discourse of postmodern in sociology”. By 2000 adherents of modernity, adherents of postmodernity and adherents of postmodernism in social theory started to reject ideas about postmodernity/postmodernism. By 2000 postmodernism in social theory strangely died. This death could be called “strange” as despite the fact that this concept is still used, it no longer occupies the same central place in social theory as it was since the second half of the 1980-s and till the mid-1990s.

Keywords: postmodern, postmodernism, social theory, marxism, social philosophy, modernity, postmodernity, sociology.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2013) *The Dark Side of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Alexander J.C. (2013) *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiia* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis.
- Anderson P. (2011) *Istoki postmoderna* [The Origins of Postmodernity]. Moscow: Territoria budushchego.
- Bauman Z. (2010) *Aktual'nost' Kholokosta* [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Evropa.
- Bauman Z. (1993) *Filosofii i postmodernistskaia sotsiologiia* [Philosophy and Postmodern Sociology]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 46–61.
- Bauman Z. (1992) *Intimations of Postmodernity*. London; New York: Routledge.
- Bauman Z. (1989) *Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (1993^a) *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (1993^b) *Postmodern Ethics*. Oxford, Melbourne, Berlin: Wiley-Blackwell.
- Bauman Z. (1997) *Postmodernity and Its Discontents*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaia sovremennost'* [Dialectic of Modernity]. St.-Petersburg: Piter.
- Bauman Z. (2003) *Zakonodateli i tolkovateli: Kul'tura kak ideologiia intellektualov* [Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (27), pp. 5–20.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Beilharz P. (1999) *McFascism? Reading Ritzer, Bauman and the Holocaust. Resisting McDonaldization*. Ed. by B. Smart. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, pp. 222–233.
- Bertens H. (1994) *The Idea of the Postmodern. A History*. London; New York: Routledge.
- Giddens A. (2011) *Posledstviia sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Moscow: Praksis.

Gobozov I.A. (2005) *Kuda katitsia filosofiia?! Ot poiska istiny k postmodernistskomu trepu* [Where philosophy goes to? From the Search for Truth to Postmodern Twaddle]. Moscow: Publisher Savin S.A.

Il'in I.P. (1998) *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletii: evoliutsiia nauchnogo mifa* [Postmodernism from Its Origins to the End of the Century: the Evolution of the Scientific Myth]. Moscow: Intrada.

Il'in I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post-Structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.

Istoriia filosofii (2005) [History of Philosophy]. Ed. by V.V. Vasil'ev, A.A. Krotov, D.V. Bugai. Moscow: Akademicheskii proekt.

Joas H., Knöbl W. (2013) *Sotsial'naia teoriia. 20 vvodnykh leksii* [Social Theory: Twenty Introductory Lectures]. St.-Petersburg: Aleteiia.

Kimelev Yu.A., Poliakova N.L. (1996) *Sotsiologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna* [Sociological Theories of Modernity, Radical Modernity and Postmodernity]. Moscow: INION RAN.

Kuritsyn V. (2000) *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Postmodernism in Russian Literature]. Moscow: OGI.

Lash S. (1990) *Sociology of Postmodernism*. London, New York: Routledge.

Man'kovskaya N.B. (2016) *Fenomen postmodernizma. Khudozhestvenno-esteticheskii rakurs* [The Phenomenon of Postmodernism. Artistic and Aesthetic Perspective]. Moscow; St.-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

O'Neill J. (1999) Have You Had Your Theory Today? *Resisting McDonaldization*. B. Smart (ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, pp. 41–56.

Poliakova N.L. (2004) *XX vek v sotsiologicheskikh teoriiakh obshchestva* [The Twentieth Century in the Sociological Theories of Society]. Moscow: Logos.

The Postmodern Turn. *New Perspectives on Social Theory* (1994) Ed. by S. Seidman. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Postmodernism and Social Theory. *The Debate over General Theory* (1992) Ed. by S. Seidman, D.G. Wagner. Cambridge, Oxford, MA: Blackwell.

Ritzer G. (2011) *Makdonal'dizatsiia obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5]. Moscow: Praxis.

Ritzer G. (1996) *Postmodern Social Theory*. New York etc.: McGraw-Hill College.

Seidman S. (1994) The End of Sociological Theory. *The Postmodern Turn. New Perspectives on Social Theory*. Ed. by S. Seidman. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 119–139.

Smart B. (1992) *Modern Conditions, Postmodern Controversies*. London; New York: Routledge.

Smith D. (1999) *Zygmunt Bauman: Prophet of Postmodernity*. Cambridge: Polity Press.

Touraine A. (1971) *The Postindustrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. New York: Random House.

Touraine A. (2007) *A New Paradigm for Understanding Today's World*. Cambridge: Polity.

Touraine A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherki sotsiologii* [Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society]. Moscow: Nauchnyi mir.

Turner Ch. (1990) Lyotard and Weber: Postmodern Rules and Neo-Kantian Values. *Theories of Modernity and Postmodernity*. Ed. by B.S. Turner. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, pp. 108–116.